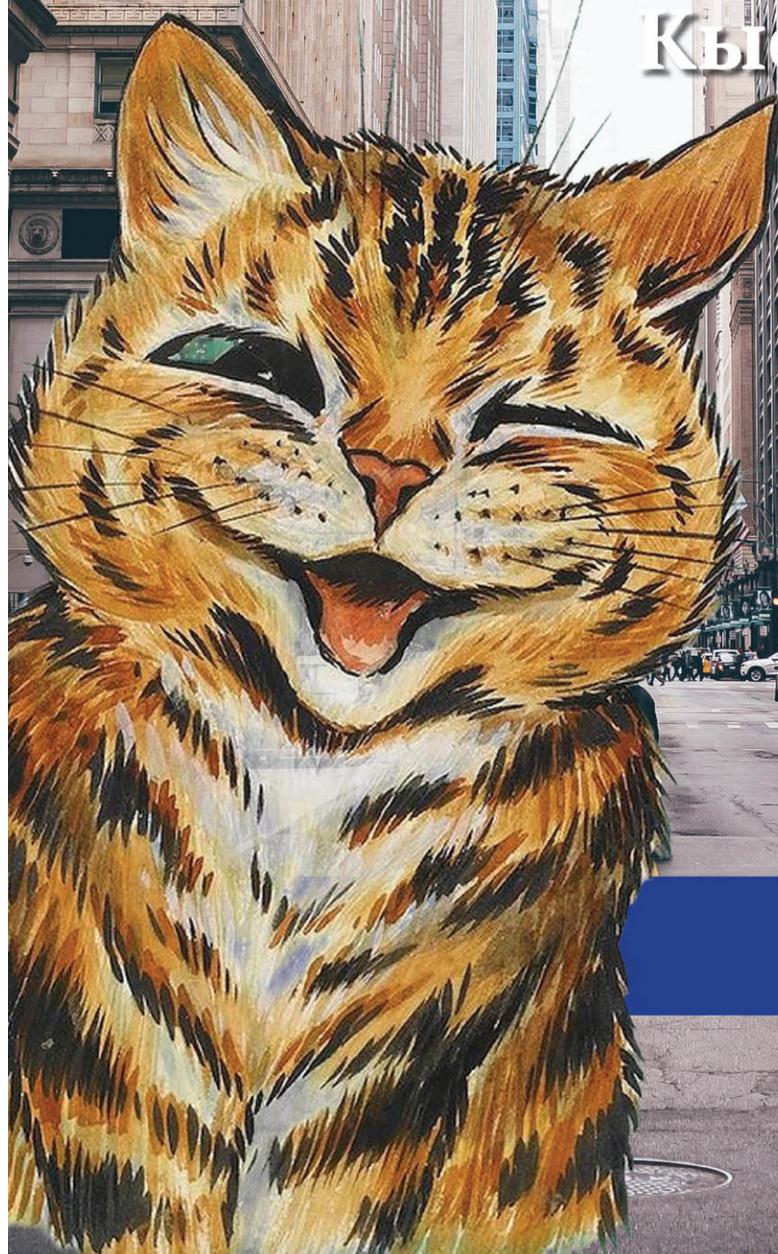

Владимир Кунин

Кыся в Америке

ФТМ

Кыся

Владимир Кунин
Кыся в Америке

«ФТМ»

1997

Кунин В. В.

Кыся в Америке / В. В. Кунин — «ФТМ», 1997 — (Кыся)

Полюбившийся читателям кот Мартын в поисках своего хозяина едет в Америку. Здесь его ждут новые подвиги и приключения, в результате которых он добирается до Вашингтона и знакомится с самим президентом США Клинтоном, его семьей и любимцем американцев, котом Клинтона Соксом. Много опасностей и испытаний приходится пережить Кысе, прежде чем найти своего хозяина и обрести наконец счастье.

© Кунин В. В., 1997

© ФТМ, 1997

Владимир Кунин

Кыся в Америке

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

*Давайте пытаться держаться друг друга
В непрочных пределах порочного круга...*

На следующее утро я, никем не замеченный, аккуратненько покинул свой инструментальный ящик, проскочил через все машинное отделение, быстренько отыскал противопожарный ящик с песком и сделал все свои, сами понимаете какие, дела. Они из меня буквально рвались наружу!

Я тщательно все закопал передними лапами поглубже, притоптал задними и отметил про себя, что ничего лучшего, чем наш обычный русский противопожарный песочек, для Кошачьих дел Человечество не придумало.

На иностранных судах я не плавал и поэтому не имею понятия, чем они там тушат свои пожары. Но, повторяю, когда за бортом плещет вода и этим своим звуком дико провоцирует и усиливает твоё желание немедленно опорожнить себя, – дороже ящика с песком ничего и вообразить нельзя!

Поэтому, что бы там ни говорили, будто во времена Советской власти все было плохо и неправильно, я, Кот Мартын, в просторечии – Кыся, от имени всего нашего Вида совершенно искренне восклицаю:

– Да здравствуют наши советские пожарники – самые мудрые пожарники во всем мире!!!

Потом я привел себя в максимальный порядок – умылся, прилизался, пригладился и придал своей исполосованной хамской роже относительно интеллигентное выражение. Насчет своей внешности у меня никогда никаких заблуждений не было. Чего Бог не дал – того не дал. Зато Он вознаградил меня целым рядом других замечательных качеств. Ими я и беру.

И вот с этим слегка фальшивым выражением на собственной харе я и отправился представляться Капитану.

Вычислить Капитана было плевое дело.

Дело в том, что ночью мой сладкий сон в ящике был прерван тем, что КТО-ТО спустился в машинное отделение и, перекрывая шум двигателей, начальственно гаркнул:

– Привет, маслопупы!

Как я потом выяснил, «маслопупы» или «мотыли» были узаконенными кличками для машинных команд на всех судах российского флота. Ну, вроде как я – «Кыся»...

– Привет, маслопупы! – прокричал этот неведомый мне тип, и я сразу же почуял, как в густой и теплый воздух машинного отделения, наполненного запахами перегоревших масел, раскаленного металла, пропотевших человеческих тел и старых кроссовок, незримыми нитями стали неожиданно вплетаться запахи «Данхилла» – сигарет, которые курил мой дорогой мюнхенский друг Фридрих фон Тифенбах; запах хорошего одеколона, напоминающий одеколон профессора фон Дейна; и чем-то неуловимо женским... Так всегда пахло от Шуры Плоткина, когда он возвращался домой от какой-нибудь барышни. Или когда какая-нибудь барышня уходила от нас, оставляя мне измочаленного Шуру, пропахшего ее запахом.

- Алексею Ивановичу – пламенный с кисточкой!
- Привет, Кэп!..
- Салют, Мастер! – услышал я из своего ящика под верстаком.
- Как дела, дед? – спросил Алексей Иванович-Кэп-Мастер.

– Нормально, капитан, – ответил чей-то дед, и я понял, что Алексей-Иванович-Кэп-Мастер и есть тот самый Капитан, которому я обязан представиться и постараться понравиться с первой же секунды нашего знакомства.

А то, что Дед – это просто кличка старшего механика тридцати лет от роду, это я понял только на следующий день.

Но сейчас выскакивать из своего инструментального ящика и начинать раскланиваться перед Капитаном, и выдрючиваться, стараясь изо всех сил понравиться ему, на глазах у всей машинной команды, было бы по меньшей мере идиотизмом. А ну, как ему захочется при подчиненных проявить свою безраздельную власть в открытом море, и он прикажет вышвырнуть меня с судна к едрене-фене?! Или я ему со своим рылом вообще не покажусь?.. Я ведь, как говорится, НА ЛЮБИТЕЛЯ. Что тогда?..

Ну уж херушки, как сказал бы мой замечательный кореш Водила. Знакомиться будем с глазу на глаз. Это всегда слегка уравнивает шансы. Выгоднее и безопаснее. Я рисковать не имею права. Мне в Нью-Йорк нужно попасть – кровь из носу. Тут я не только о себе должен думать – там Шура меня ждет. А это вам не хвост собачий...

Я постарался запомнить все запахи Капитана, свернулся калачиком и снова задремал.

А уже утром я сделал все то, с чего начал свой рассказ.

Когда я говорил, что отыскать Капитана Алексея-Ивановича-Кэп-Мастера было для меня плевым делом, я ничуть не преувеличивал. В моем активе были все его характерные запахи, профессиональное использование которых было дано мне от рождения. Как абсолютное зрение в кромешной темноте. И как уйма других потрясающих Котово-Кошачьих качеств, так выгодно отличающих нас от всех остальных живых существ.

Основная трудность была для меня – преодоление многочисленных корабельных дверей: высоченные металлические пороги, автоматически защелкивающиеся замки и невероятной тяжести железные двери, которые так просто лапой не откроешь.

Поэтому у каждой двери приходилось подолгу ждать, пока кому-нибудь из команды не понадобится пройти именно в эту дверь, и нужно было успеть незаметно юркнуть вслед этому типу.

И чертова уйма лестниц! Так как я начал свое путешествие по судну снизу – из машинного отделения, то пока я по следу капитанских запахов добрался до верхнего коридора, все эти двери и лестницы меня просто вымотали. Не физически. Нервно.

Тут еще на мою беду, когда мне казалось, что я уже почти достиг цели, Капитанско-Мастерские запахи стали неожиданно раздваиваться! Часть из них влекла меня к центральной двери этого коридора, откуда раздавались голоса и команды, а вторая часть уводила вниз к другой, коротенькой, лесенке, вправо от этих центральных дверей.

Должен признаться, что на мгновение я растерялся. Однако, на мое счастье, снизу вдруг примчался какой-то мужик в сапогах, комбинезоне и вязаной шапочке и постучал в эту дверь.

Дверь отворилась, и оттуда высунулся молоденький паренек в свитере и огромной фуражке.

– Чиф, Мастер на мостике? – спросила вязаная шапочка у огромной фуражки.

– Чего ему тут делать? – ответила фуражка шапочке. – Он на мостике всю ночь проторчал. Имеет право человек отдохнуть после вахты?!

И я понял, что Капитана за этими дверями нет.

Тип в сапогах, комбинезоне и шапочке ссыпался вниз по большой лестнице, а я напрямик направился к маленькой, короткой.

Спустившись на несколько ступенек вниз, я увидел Дверь с красивой золотой табличкой, на которой что-то было написано. Концентрация капитанских запахов в этом тупичке была максимально сильной.

Но самое замечательное, что еле уловимый элемент женских запахов, который я с трудом различил ночью, лежа в инструментальном ящике под ремонтным верстаком машинного отделения, здесь ощущался столь явственно, что я даже слегка обалдел!..

Кроме того, из-за двери я услышал хриплое мужское дыхание и очень ритмичные слабые женские повизгивания, не оставляющие никаких сомнений в действиях, совершаемых за этой дверью.

Ручаюсь, что никто из Людей даже шороха не услышал бы из-за такой двери. А я услышал!

И вдруг сам так завелся, что в башку мне полезли десятки Кошек, которых я когда-либо трахал!.. Не говоря уже о моей верной немецкой подружке – карликовой пинчерихе Дженни, которую вопреки всей зоологической науке о несмешении Видов я хотел в любое время дня и ночи!

Я даже вспомнил оттобрунновскую Лисичку, которую я «оприходовал» со смертельным риском для собственной жизни.

Ах, Кошечку бы мне какую-нибудь сейчас сюда! Любую! Даже самую завалященную!.. Я бы ей показал «небо в алмазах», как говорил Шура Плоткин, совершенно не имея в виду ни небо, ни алмазы.

Но как изредка замечал умнейший и интеллигентнейший Фридрих фон Тифенбах, «все в жизни имеет свое логическое завершение».

Кончил хрипло дышать и Капитан Алексей-Иванович-Кэп-Мастер. Всхрапнул коротко, будто жеребец, и кончил. В последний раз тихонько взвизгнула обладательница женских запахов.

А потом я услышал негромкий разговор в Капитанской каюте.

Это мог слышать только Я! Никто из Людей, даже вплотную приложивший ухо к этой двери, никогда не услышал бы ни единого слова.

Мне же казалось, что я даже вижу, как Женщина моется в душе, а Капитан Алексеевич-Иванович-Кэп-Мастер закуривает свой «Данхилл» и натягивает на себя голубой адидасовский тренировочный костюм. Я только лиц не мог разглядеть...

– А в городе ни разу не позвонил... – огорченно проговорила Женщина.

– В городе у меня семья, – спокойно сказал ей Капитан. – Дочь-невеста, сын-придурок и жена.

– А я как же?..

– Ты кто по судовой роли?

– Буфетчица.

– Так какие проблемы?

– Бедная я, бедная... – горько сказала Женщина.

– Ты бедная?! – презрительно переспросил Капитан. – Я в Питере с женой всего десять дней, а с тобой в море – четыре месяца. Потом неделю дома, и на полгода с тобой в рейс. И так уже третий год. Так кто из вас беднее – ты или моя жена?

Женщина промолчала.

– И кстати! Еще одного таракана увижу в кают-компании – спишу с судна к чертовой матери. Ясно?

– Да... Мне идти?

– Иди.

Дважды повернулся ключ в замке, дверь приоткрылась, и из Капитанской каюты вышла молодая Женщина с припухшими глазами. Стараясь не задеть хвостом ее ноги, я незаметно проскочил в каюту.

Тут же на всякий случай я спрятался за выступом какого-то шкафчика, и получилось, что я совершенно инстинктивно прошмыгнул именно туда, где меня не было видно; но сам я обрел превосходную позицию для обзора и наблюдения.

Оказалось, что Капитанская каюта состоит из двух просторных комнат. Первая, куда я влетел без спросу, была кабинетом – с письменным столом и компьютером, кожаным диваном и двумя креслами. Над диваном висела в раме под стеклом большая красочная фотография низкого, длинного парохода, уставленного железнодорожными контейнерами. Как потом выяснилось, этот пароход и был тем самым «Академиком Абрамом Ф. Иоффе», на котором я сейчас имел честь присутствовать...

Напротив же дивана, в углу под невысоким потолком, в какой-то хитрой металлической раме висел большой телевизор.

Из кабинета была видна вторая комната – спальня. Широкая Капитанская кровать несла на себе все следы только что завершившегося, как говорил мой любезный друг Водила, «сладкого греха». Кстати, почему ЭТО у Людей называется «грехом», понятия не имею. «Сладкий» – еще куда ни шло, а вот грех-то тут при чем?..

Я прекрасно слышал, как в спальне Капитан наливал себе виски «Джек Дэниельс». Именно это виски чуть ли не каждый вечер понемногу допивал в Мюнхене Фридрих фон Тифенбах, и запах «Джека Дэниельса» врезался мне в память, полагаю, до смерти.

Но вот когда Капитан Алексей-Иванович-Кэп-Мастер, которого я за истекшие сутки только слышал, но так ни разу и не увидел, вышел наконец из спальни, я чуть умом не тронулся!..

СО СТАКАНОМ ВИСКИ В РУКЕ ИЗ СПАЛЬНИ В КАБИНЕТ ВОШЕЛ Я!

Я – в Человеческом обличе, в голубом адидасовском тренировочном костюме, которого у меня отродясь не было, и в мягких белых тапочках без задников, которые я, естественно, никогда не ношу.

Уже не говоря о том, что я не пью виски. Тем более «Джек Дэниельс».

И тем не менее сходство наше было поразительным! Я бы даже сказал – ПОТРЯСАЮЩИМ! От усов до разорванного левого уха. Те же самые шрамы на мордах – один, пересекающий чуть ли не всю голову до левого глаза, второй – разрубающий правую бровь, нос и верхнюю губу. Все было МОЕ!.. Справедливости ради следует заметить, что и ЕГО – ТОЖЕ!

То есть хотите – верьте, хотите – нет, но я увидел СИЛЬНО УВЕЛИЧЕННУЮ И ЧЕЛОВЕЧЕННУЮ СОБСТВЕННУЮ КОПИЮ!!!

Та же мощная короткая шея, та же широченная грудь, набитые мышцами ноги и руки, сила которых угадывалась даже под просторными складками голубого тренировочного костюма.

Та же мягкость походки, та же вкрадчивость и осторожность в движениях. Уже в том, как он почти беззвучно повернул ключ и запер дверь своей каюты, я просто узнал свою повадку! Будто в зеркало глядел. Только хвоста не было...

Итак, свершилось невероятное! Передо мной стоял сильный, коренастый ЧЕЛОВЕКО-КОТ, или, если хотите, КОТО-ЧЕЛОВЕК, как две капли воды похожий на меня. Или я на него?!

Такой же жесткий, решительный, расчетливо-бесстрашный, неумный сластолюбец, с обостренным ощущением ответственности за все, что ему дорого и близко – от ЖИВЫХ СУЩЕСТВ, которых он должен защитить, и до ДЕЛА, которое он обязан выполнить.

И плевать мне на так называемую пресловутую скромность в оценках самого себя, но в этом ЧЕЛОВЕКО-КОТЕ или КОТО-ЧЕЛОВЕКЕ, как и во мне, во всей нашей внешней некра-

сивости (я имею в виду, как говорил Мой Шура Плоткин, «замшелые параметры этого значения») за грубыми наружными формами угадывалось такое внутреннее ОБАЯНИЕ, что не заметить этого было бы просто непростительно!

Да, с подобным невероятным явлением я столкнулся впервые.

И если бы ОН в эту секунду заговорил со мной по-нашему, ПО-ЖИВОТНОМУ, я этому ничуть бы не удивился.

Глядя на него из-за своего укрытия, наблюдая за тем, как он садится в вертящееся кресло у письменного стола, как прихлебывает виски из стакана и просматривает деловые бумаги, я понял, что с ним, с этим ОЧЕЛОВЕЧЕННЫМ моим ДВОЙНИКОМ, я просто не имею никакого права играть в разные пошлые игры и выкидывать всяческие трюки, пытаюсь понравиться ЕМУ даже ради достижения своей Главной цели – оказаться в Нью-Йорке и встретиться наконец с Шурой Плоткиным. Как бы благородно эта цель ни выглядела.

Тут разговор должен быть на равных, и действовать необходимо только Напрямую.

Я вышел из-за шкафчика, неслышно пересек кабинет и мягко вспрыгнул к нему на письменный стол.

От неожиданности он на мгновение отпрянул, что и я бы сделал на его месте. Однако он тут же взял себя в руки, взболтнул лед в стакане и сделал небольшой глоток «Джека Дэниельса», молча глядя на меня.

Я выбрал свободное местечко на его рабочем столе и сел, уставившись ему прямо в глаза. Ну, ей-богу, словно собственное отражение разглядывал!..

Не знаю, просек ли он нашу поразительную похожесть, узрел ли он во мне САМОГО СЕБЯ так, как это увидел я, но, глядя на него, можно было дать хвост на отруб, что вздрючился он нервно не меньше меня. Но держался при этом – великолепно! Как я.

Уже в следующее мгновение он совершил то, что наверняка совершил бы и я. Он оставил стакан с виски на столе, подошел к небольшому холодильнику и открыл дверцу. Достал оттуда несколько листиков нарезанной колбасы, паштет, сложил все это на тарелку, принес к столу и поставил передо мной. Затем вернулся к холодильнику, вытащил из него открытую банку сгущенного молока и вопросительно посмотрел на меня.

– Сгущенку лучше слегка разбавить водой, – сказал я ему по-шеллдрейсовски.

– Холодной или горячей? – через малюсенькую, почти незаметную, паузу спросил он.

Я понял, что эта крохотная пауза была необходима ему для окончательного осмысления происходившего ЧУДА.

– Не очень холодной, – попросил его я.

В отличие от моего первого случайного плавания по маршруту Россия – Германия, где я, прямо скажем, был всего лишь пассажиром-нелегалом, тайно состоящим при Водиле и его грузовике, сегодняшнее мое пребывание на «Академике Абраме Ф. Иоффе» носило совершенно иной характер.

Тогда я перемещался по воде в плавучих условиях небольшого западного города – с почти тысячей грузовых и легковых автомобилей, с магазинами, ресторанами, концертными залами, кафе и ночными барами. С казино, проститутками и бандитами всех мастей и национальностей. Плюс человек семьсот нормальных пассажиров и триста пятьдесят человек команды!

Я даже название этого плавучего чудовища не помнил. Водила мне как-то говорил, но оно у меня из головы выскочило...

Другое дело – «Академик Абрам Ф. Иоффе».

Команда – семнадцать человек. Пассажиров – один. Это я.

Никаких автомобилей, ресторанов. Небольшая кают-компания с телевизором и видеком. Она же – столовая, она же – комната отдыха.

Только не воображайте, что мы такие уж маленькие. Ничего подобного! Длина – как от нашего петербургского дома до шашлычной Сурена Гургеновича. Шура говорил – там метров сто пятьдесят.

Загрузка у нас не полная. Пятьсот сорокафутовых контейнеров. С чем бы сравнить?.. Ну, как полтысячи Водилиных фургончиков без колес. Кстати, все цифры со слов Капитана. Я в них – ни ухом, ни рылом. Вот эту жуткую тяжесть и волочет на себе наш глубокоуважаемый «Академик Абрам...» Ну, как его? «...Ф. Иоффе».

А над всем этим, как говорят в море, «Царь и Бог, и Воинский начальник» – КАПИТАН АЛЕКСЕЙ-ИВАНОВИЧ-КЭП-МАСТЕР. Или, как некоторые еще называют его за глаза – ПАПА.

По поводу того, как мы будем называть друг друга, мы договорились с самого начала, – как только я прикончил колбасу, паштет и разбавленную сгущенку.

Ему очень понравилось мое имя Мартын. Он сказал, что это прекрасное мужское имя и он будет меня звать только – Мартын. Никаких «Кысь»! Кыся – это что-то неопределенное, сказал он. Не то кот, не то кошка. И годится «Кыся» разве что для каких-нибудь сугубо домашних Мусек, Пусек, Мурзиков и Барсиков, а не для такого самостоятельного кота, как я.

Я ему тоже сказал, что если он не возражает, то я буду называть его – «Мастер». Ибо «Капитан» – слишком официально, я у него не служу, а всего лишь пользуюсь его гостеприимством; «Алексей Иванович» – тяжеловесно и утомительно; «Кэп» – излишне фамильярно, а «Папа», извините, звучит просто пошло. Поэтому я считаю, что «Мастер» – в самый раз.

– Отлично. Мне «Мастер» тоже больше нравится. А вот откуда это у тебя такие отметины? – Он осторожно коснулся шрама, идущего через всю мою морду.

– От разных драк с Котами и Собаками, – ответил я. – А у вас?

– Один тоже от драки. Но очень давно. Еще когда я был курсантом мореходки. А второй – чистая случайность...

И рассказал, как несколько лет тому назад один болван вызвался буксировать его «Волгу» и тянул не плавно, как положено, а рывками. Стальной трос, конечно, лопнул, размолотил лобовое стекло «Волги» и чуть не снес полголовы Мастеру, сидевшему за рулем своей машины.

– С тех пор я больше всего на свете боюсь неквалифицированных идиотов, – сказал Мастер. – Буксируют ли они автомобили или пытаются руководить государством...

За обедом в кают-компании Мастер отрекомендовал меня команде, свободной от вахты. Остальным – после обеда, по ходу осмотра судна. Знакомил с каждым. Сначала представлял меня, затем своего подчиненного. Называл его имя и должность. И кличку.

Так, например, я узнал, что палубная команда матросов называется «рогачи» или «рогали», что радиста зовут Маркони, а старшего помощника капитана – Чиф. Боцман – Дракон, про Деда – старшего механика и его «маслопупов» я уже рассказывал. А вот матроса-токаря, в хозяйстве которого, как выяснилось, я провел всю первую ночь, звали просто и незатейливо – Точило.

Матросу-плотнику по прозвищу Колобаха было приказано соорудить для меня туалет – специальный ящик с песком, а матросу-приборщику с кличкой Кандей (от морского названия помойного ведра – «кандейка») было поручено ежедневно менять в этом ящике песок.

На капитанском мостике я был познакомлен со вторым и третьим помощниками Капитана. Там же, на мостике, мне был отведен специальный наблюдательный пункт – на главном компьютере. Оттуда я мог свободно смотреть вперед – в тревожную серую, грязно-белопенную воду, которой не было ни конца, ни края...

Одна немаловажная деталь. Еще у себя в каюте Мастер взял с меня слово ни с кем на судне не вступать в Телепатический Контакт. Рейс ему предстоит тяжелый – их, слава богу, зафрахтовала одна западная фирма, и они будут вламывать еще месяцев пять без захода в

Питер. Домой вернутся не раньше лета. А это очень тяжелая психическая нагрузка. Если же я еще выступлю со своим Телепатическим Контактom – у половины экипажа наверняка поедет крыша. А в таком рейсе каждый на вес золота. Не говоря о валютных расходах на лечение и транспортировку из собственного кармана. Потому что они теперь, после развала российского торгового флота, исключительно на самоокупаемости. Сами на Западе ищут – кому запродаваться, сами заключают контракты – зачастую грабительские, где потерпевшей стороной все равно будет русское судно, меняют российский флаг на какой-нибудь либерийский, и – вперед!..

Но хоть есть работа! Хотя бы есть на что жить...

А если капитан не только приличный судоводитель, но еще и толково шевелит мозгами, и обладает четкой деловой хваткой – тогда можно вывернуться из любого положения.

Например: не попадать в идиотские ситуации, как попали две трети российских грузовых и торговых судов, арестованных во всех иностранных портах мировой акватории за неуплату долгов. И помощи им ждать неоткуда. Нашему правительству на них насрать со Спасской башни...

Я честно признался Мастеру, что почти ни хрена из всего этого не понял, за исключением того, что наш флот сегодня в полном говне, и пообещал ни с кем из членов экипажа в Контакт не вступать.

А потом вспомнил, что по совершенно иным причинам, но об этом же меня просили уже несколько человек. И тот оттобрунновский добрый жулик-кошколов, ветеринар-недоучка Эрих Шрёдер, и мой сердечный друг из Грюнвальда Фридрих фон Тифенбах. И даже Водила, помню, сказал мне при подъезде к Мюнхену:

– Ты, Кыся, со своими талантами сильно на людях-то не высовывайся. А то вмиг хвост оборвут. Счас народ знаешь какой пошел?..

И только Шура Плоткин никогда меня ни о чем подобном не просил.

Наоборот, в каком-нибудь очередном интеллигентно-пьяненьком кухонном споре, отчаявшись в чем-то убедить своего собеседника, кричал мне на весь дом:

– Мартын! Мартышка!.. Сукин кот, мать твою за ногу! Что ты сидишь и ухом не ведешь?! Ты что, не слышишь, какую херню он несет? Ты-то хоть скажи ему!..

И иногда, когда я был согласен с Шурой, я говорил.

Если, конечно, мне удавалось достучаться до хмельного рассудка Шуриного оппонента.

Почти весь вечер и часть ночи я проторчал с Мастером на вахте, на капитанском мостике.

Мастеру и штурманам буфетчица Люся пару раз приносила на мостик крепчайший чай и бутерброды. А мне вдруг неожиданно притащила... Что бы вы подумали?! Несколько увесистых кусков настоящего, сырого, размороженного хека, о котором я так мечтал последние несколько месяцев!..

Я птичкой слетел с главного компьютера, благодарно потерся о Люсины ноги, ласково коснулся ее хвостом и уже в который раз убедился, что женщины гораздо более тонко организованы, чем мужики.

Естественно, я не имею в виду Шуру Плоткина, Водилу, Фридриха фон Тифенбаха... Или того же Мастера. Тот просто вылитый Кот! Эти ребята, с моей точки зрения, – уникальны.

Стал я наворачивать этот хек, попутно размышляя о благодарности всем представительницам женского пола – от Кошек, Собачек, Лисичек и Женщин, которые в моей жизни сыграли хоть небольшую, но положительную роль. Как говорил Водила: «От половухи до бытовухи...»

Однако на втором куске хека я слегка застопорился. Второй кусок как-то уже не лез в глотку. И я понял, что со мной произошло то, что обычно происходит со всеми, кто однажды во что-то влюбился, это что-то оставило в его душе неизгладимый след, а потом было утеряно.

И долгие месяцы, а может быть, и годы ты только и жил надеждой на то, что это что-то тебе встретится снова...

И наконец – встреча! Казалось бы – ура!..

Но тут с грустью выясняется, что это ЧТО-ТО совершенно не стоило тех радужных и трепетных воспоминаний, которые преследовали тебя все это время.

Особенно после того, как ты уже попробовал и форель, и угря, и севрюгу, и свежего лосося.

Господи... Да, не дай бог, чтобы такое перешло в область ЖИВОТНО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ отношений!..

Вот я сейчас плыву через моря и океаны к Шуре в Америку, стремлюсь к нему всей душой и телом, а вдруг с ним там произойдет в отношении меня все то, что со мной произошло в отношении хека?! Да я же умру с горя...

В полном смятении и тоске я снова вспрыгнул на главный компьютер и застыл, глядя в ночную, мокрую, недобрую даль.

Пребывал я в таком состоянии достаточно долго, и разные печальные мысли о несовершенстве мира лезли в мою голову. Пока я не услышал, как второй помощник спросил моего Мастера:

– Алексей Иванович, а это ничего, что ваш котяра сидит на главном компьютере?

– А ты боишься, что Мартын своими яйцами может на него как-то воздействовать и компьютер начнет выдавать погрешность за погрешностью? – рассмеялся Мастер.

– Я не о компьютере пекусь – что с ним станет? Я тревожусь за яйца Мартына, – сказал второй помощник.

У меня сразу торчком встали уши и мелко-мелко забил кончик хвоста.

– Точно! – подхватил молоденький Штурман. – Я вчера перед выездом в порт хотел напоследок еще разок натянуть благоверную, пока детеныш спит... И ни тпру, ни ну, ни кукареку!.. Висит, бедняжка, орелик мой, головку свесил, глядит на «полшестого» и делает вид, что его ничего не касается. Моя давай блажить: «Тебе сколько раз говорить, чтобы ты возле микроволновой печки не садился? Вот ты и облучился!..»

– Так твой орелик и не расправил крылья? Не взорлил? Не спел свою боевую песню? – поинтересовался Мастер.

– Взорлил... Но если честно – то не высоко. И спел, прямо скажем, не громко... – признался Штурман. – Вот теперь и гадай – то ли я ночью перетрудился, то ли действительно виновата эта гребаная «Микровелле»?..

– А в главном компьютере излучение раз в десять сильнее, чем в твоей микроволновке, – заметил второй помощник. – Так что, Кэп, сами смотрите со своим Мартыном...

– Через пару суток дошлепаем до Англии, в Абердине пришвартуемся и посмотрим. Там в порту кошек – видимо-невидимо. Выпустим Мартына на причал и проверим – такое ли сильное излучение у нашего главного компьютера?.. – сказал Мастер.

«А не пошли бы вы со своим излучением подальше? Береженого Бог бережет», – подумал я и немедленно перепрыгнул с компьютера на какую-то ровную плоскость, рядом с которой был расположен большой наклонный пульт управления со множеством разноцветных рычажков и кнопок.

– Очень самостоятельный котяра! – восхитился второй помощник. – Словно понял, чем рискует...

– А вдруг действительно понял? – улыбнулся Мастер.

– Кэп! А в лох-несское чудовище вы не верите?

– Верю.

– А в летающие тарелки?..

– Тоже. Следи за курсом внимательней.

– Есть следить за курсом! А если вы его в Абердине на причал выпустите, а он возьмет и убежит? Что тогда?

– Не убежит, – твердо сказал Мастер. – Ему в Нью-Йорк нужно.

– Ну вы даёте, Алексей Иванович!..

Теперь захода в Абердин, почти на самый север Великобритании, все ждали с нездоровым нетерпением.

По словам Мастера и из болтовни на капитанском мостике я понял, что в Абердине «Академик Абрам Ф. Иоффе» должен был оставить англичанам около двадцати контейнеров, а у англичан забрать какой-то груз для канадского порта Сент-Джонс в районе острова Ньюфаундленд.

У себя в каюте, когда мы оставались только вдвоем, Мастер мне даже по карте пытался показать, – как и куда мы плывем и в какие порты будем заходить.

Правда, от Абердина до Сент-Джонса через Атлантику нужно было еще чухать чуть ли не неделю, зато от Ньюфаундленда до Нью-Йорка – вообще пара пустых!.. Двое с половиной суток, и мы, как говорится, тама! И...

– Здравствуй, Шурочка! Здравствуй, дорогой мой Плоткин, новоиспеченный Американец! Как же я по тебе соскучился!.. Сколько же мне нужно тебе рассказать, Шурик.

Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

В Абердине же, помимо сдачи одного груза и приемки другого, Мастер и его помощники собирались еще проверить меня на английских кошках. Так ли влияет излучение главного компьютера на сексуальную мощь живого организма?

Не скрою, я слегка нервничал.

Несмотря на то что на этом «Академике Абраме...» я уже успел и отдохнуть, и отожраться в спокойной и доброжелательной обстановке, несмотря на то что ощущение «последней финишной прямой» наполняло мою душу миром и благодатью, ночной рассказ молоденького Штурмана о страшноватом треугольнике – он, его жена и микроволновая печь – заставлял меня беспокоиться за собственные возможности в сфере Большого Секса.

Хотя если бы я логически сопоставил все двадцать четыре года, которые плавает мой Мастер и каждый день общается то с радаром, то с главным компьютером, то еще с каким-нибудь излучателем, с тем, как чуть ли не каждую ночь, а порой и пару раз в день буфетчица Люся захлебывается в тоненьких взвизгах в капитанской постели – я на все эти излучатели должен был бы, извините за выражение, хвост положить! И не нервничать... Тем более что трахаться хотелось – ну просто ужасно!

Поэтому, когда до Абердина оставалось всего несколько часов хода и я лежал в низком кожаном кресле капитанского кабинета, а из-за закрытой двери спальни доносились тоненькое взвизгивание Люси и половой рык Мастера, мне показалось, что по Северному морю мы тащимся невероятно медленно. И тогда я подумал, что неплохо было бы хоть немного увеличить скорость и пораньше подойти к Абердину. Где, как утверждал Мастер, кошек – видимо-невидимо!

Клянусь, я только ПОДУМАЛ!

Как вдруг-услышал, что машина нашего «...Ф. Иоффе» заработала мощнее и громче, а поглядев в иллюминатор, увидел, что мы стали двигаться намного быстрее.

В ту же секунду резко оборвался ритмичный скрип капитанской кровати, испуганно затихла Люся и я почти увидел сквозь стену, как Мастер своей мускулистой мохнатой лапой схватил трубку телефона внутренней связи и рявкнул жутковатым голосом:

– В чем дело?! Почему ход увеличили? Старшего механика на связь! Дед!.. Что за самодетельность?! Ты про расход топлива думаешь? Про расчетное время прихода в порт пом-

нишь?! Кто ПРИКАЗАЛ? Я ПРИКАЗАЛ??? То есть как это – ТЫ ПОЧУВСТВОВАЛ, ЧТО Я ПРИКАЗАЛ УВЕЛИЧИТЬ ХОД?! Ты в своем уме?!

Я понимал, понимал, что в чем-то я тут виноват... Неужели только в том, что ИЗЛИШНЕ СИЛЬНО захотел как можно быстрее трахнуть неведомую мне английскую кошку? Боже мой, я что-то явно нарушил! А может быть, ОТКРЫЛ?! Может быть, я в себе самом что-то такое ОТКРЫЛ, что поставит меня в один ряд с такими светилами науки, как Ричард Шелдрейс, как Конрад Лоренц!..

А Мастер уже натягивал свой тренировочный костюм, напяливал кроссовки, чтобы немедленно взлететь, на мостик и всыпать вахтенному штурману, а потом вниз – в машинное отделение, поглядеть на старшего механика, который не СЛЫШИТ приказы капитана, а ЧУВСТВУЕТ ИХ!.. И это все устроил я.

Разъяренный Мастер распахнул дверь спальни и натолкнулся в моем лице на четкую картину «Осознание своей вины Котом», так прекрасно описанную Конрадом Лоренцом в его замечательной книге «Человек находит друга», – уши прижаты к затылку, хвост непроизвольно прячется между задними лапами Кота, сознающего свою вину...

Только глянув на меня, Мастер замер на месте, словно наткнулся на стену. Несколько секунд, которые он смотрел, не мигая, в мои глаза, показались мне вечностью. Сейчас я должен признать, что это были, не самые приятные секунды в моей жизни.

Все-таки КОТ есть КОТ! Теперь-то я свято убежден, что в своей прошлой жизни Мастер был абсолютным КОТОМ!..

Он намного раньше меня сообразил, ЧТО произошло, прикрыл дверь спальни, чтобы не делать Люсю свидетельницей нашей первой размолвки, и негромко спросил меня:

– Твоих лап дело?

Я отвел глаза в сторону и промолчал.

– Мартын! Я тебя как Кота спрашиваю – твоих лап дело?

– Я только ПОДУМАЛ, что неплохо бы... – замямлил я.

Но Мастер меня оборвал решительно и жестко:

– Так вот, заруби у себя на носу: в море, на этом судне, прежде, чем ПОДУМАТЬ, ты должен спросить у меня разрешения. Понял?

– Есть – спросить у вас разрешения, – ответил я ему так, как ему отвечали на судне все.

Ну что мне сказать об английских портовых Кошках?

Кошки как Кошки. Ничего особенного. Как говорил Шура – не фонтан... Прямо скажем – не наши Кошки.

Это я не в упрек, а ради четкого разграничения национальных особенностей. Не более того.

Наши российские Кошки к половому акту относятся взволнованно и трепетно – как к восхождению на Голгофу. Как к некоему акту самопожертвования.

А в глазах трахающего их Кота они больше всего на свете боятся потерять уважение, которого они, по их мнению, несомненно заслуживают. Вопрос «А ты меня потом уважать будешь?» я в своей жизни слышал чуть ли не от каждой русской Кошки.

Шура был убежден, что такое преувеличенное отношение к собственной Личности возникло в Кошках под влиянием очень давнего и достаточно сомнительного утверждения, что «Отныне любая кухарка сможет управлять государством!..».

Естественно, я не имею в виду разных Кошек-потаскух, которых у нас развелось за последнее время немерено!

Не похожи английские Кошки и на немецких – сытых, равнодушных, туповатых исполнительниц природного Кошачьего долга, относящихся к трахательному процессу как к обременительной обязанности вроде уплаты налогов.

Платить – не хочется, а не платить – опасно. Какое уж тут удовольствие?..

Боюсь судить обо всех французских Кошках по той аристократической побрякушке в бантиках, которую я поймел в кустах на бензозаправочной станции при германском автобане А-7 Гамбург – Мюнхен. Ибо если все французские Кошки хотя бы слегка похожи на эту избалованную и распущенную тварь, то мне остается только пожалеть Францию – страну мечты Моего Шуры Плоткина.

Длинношерстную Персиянку – личную Кошку губернатора острова Борнео, которая, честно признаться, трахнула меня сама в петербургском Кошачье-Собачьем отеле господина Пилипенко, я просто не помню. Помню только, что от усталости и какой-то докторской успокоительной таблетки я был крайне половонекачественен и дико хотел спать! Так что тут степени сравнения у меня – никакой.

Английские же Кошки...

Я опять-таки должен заметить, что говорю лишь об абердинских, провинциальных, портовых Кошках и вовсе не переношу свои оценки на все Кошачье сословие Соединенного Королевства Великобритании. Так вот, абердинские портовые Кошки были деловиты, решительны и очень точно знали, чего они хотят. А хотели они, как мне показалось, только меня! Еще когда я спускался по трапу...

Стоп! Я чуточку переувлекся сравнительным анализом национальных Кошачьих особенностей и повел себя явно несправедливо в отношении «Академика Абрама Ф. Иоффе» и его Мастера. Не сказать о них хотя бы несколько слов, в ситуации подхода к берегу Англии, было бы непростительным хамством.

За два часа до прихода в Абердин я был негласно для всех и торжественно для нас двоих – меня и Мастера – прощен за **ВОЛЬНОДУМСТВО**, так неожиданно нарушившее строжайшие правила морского судоходства, и получил разрешение присутствовать на капитанском мостике во время подхода к берегу Англии.

Вот когда я увидел нашего Мастера во всем профессиональном блеске! Как он подводил судно к причалу, как швартовал своего «Академика Абрама...», на каком прекрасном английском языке разговаривал с берегом, и как никто пикнуть не смел на мостике, когда Мастер негромким голосом отдавал приказания своим, а в ответ только и слышалось: «Есть!», «Есть!», «Есть!...» И тут уже никаких хиханек и хаханек, никакой посторонней болтовни...

Я-то чувствовал, каких нервных затрат, какого внутреннего напряжения стоит Мастеру этот негромкий голос, это абсолютное внешнее спокойствие и демонстрация беспредельной уверенности в точности своих решений, приказов и действий!

Но он был **НАСТОЯЩИМ КОТОМ**! Внутренний напряг Мастера автоматически передался мне и выразился в том, что меня вдруг одолела нервная зевота и, как обычно, стал мелко подрагивать кончик хвоста.

Мастер заметил это и сказал мне **МЫСЛЕННО**, по-шелдрейсовски:

– Не дергайся, Мартын. Возьми себя в лапы. Все будет о'кей!

Все и было – «о'кей». Через полчаса наш «Академик Абрам Ф. Иоффе» стоял у причала абердинского порта. Огромные подъемные краны перегружали контейнеры с судна на твердую английскую землю. Две трети команды под водительством Дракона-Боцмана и второго помощника занимались разгрузкой, а Мастер в теплой меховой куртке с капюшоном стоял на палубе, покуривал свой «Данхилл» и по-английски болтал со знакомым представителем порта.

Я же в это время уже спускался по трапу, собираясь без промедления окунуться в пучину плотских наслаждений. Еще при швартовке я увидел на причале штук двадцать Котов и Кошек, смотревших на меня снизу вверх. Причем Коты смотрели хмуро, заранее ощущая во мне соперника, а Кошки – с откровенным призывным вожелением.

Когда я уже миновал половину трапа, Мастер по-английски извинился перед представителем абердинского порта и крикнул мне по-русски:

– Не дрейфь, Мартын! В главном компьютере излучения не больше, чем в обычном телевизоре... Не посрами чести русского флота!

Затем вытащил из кармана «уоки-токи» и сказал куда-то внутрь судна:

– Третьего помощника ко мне!

Я еще не успел ступить на твердую английскую землю, как тот молоденький Штурманец, он же Третий помощник, у которого были какие-то заморочки с женой и «Микровелле», появился рядом с Мастером. Мастер показал ему на меня и назидательно сказал:

– Смотри в оба. Это чтобы ты потом не клеветал на микроволновые печи.

К сожалению, мне пришлось начать с того, что я был вынужден намахать по харе одному особо настырному Коту-англичанину, и пугнуть еще парочку рискованных ребят-Котов, которым на секунду показалось, что они могут воспрепятствовать моему неукротимому желанию, как говорил Шура, «слиться в едином экстазе» с двумя-тремя англичаночками. И начать вон с той рыженькой... Последнее время меня очень тянет на рыжих Кошек!

Одним словом – «Моряк сошел на берег...».

Я знаю (об этом мне еще Шура Плоткин не раз говорил), что существует целая армия Читателей, которая с наслаждением грязно матерится, предаётся разнузданному разврату, пьянству, наркомании, однако как только встречает описание куда более скромных действий в литературе, так они моментально становятся святее папы римского (убей бог, кто это – понятия не имею!) и обрушивают на головы Авторов и Издательств тучи гневных писем с требованиями истребить эти книги, Авторов сжечь и развеять их прах по ветру, дабы остальным было неповадно...

Итак, во избежание возможных эксцессов ограничимся сухим и беспристрастным отчетом. Так, как это можно было бы записать в вахтенном журнале того же «Академика Абрама Ф. Иоффе»:

1. За время десятичасовой стоянки в английском порту Абердин выгружен 21 (двадцать один) 40-футовый контейнер и принято на борт судна 7 (семь) 40-футовых контейнеров для порта Сент-Джонс (Канада).

2. За это же время Кот Мартын, приписанный к судну «Академик Абрам Ф. Иоффе», произвел 1 (одну) крупную драку и 2 (две) мелких драки с 5 (пятью) Котами английского порта Абердин.

3. За время стоянки в порту КОТОМ МАРТЫНОМ употреблены в половом отношении 6 (шесть) Кошек – подданных Великобритании. 2 (две) Кошки по 3 (три) раза, 1 (одна) Кошка – 2 (два) раза и 3 (три) Кошки по 1 (одному) разу.

4. К отходу судна из английского порта Абердин для дальнейшего следования Кот Мартын был собственноручно перенесен Капитаном судна «Академик Абрам Ф. Иоффе» на борт вышеназванного судна и для восстановления утраченных сил был передан на судовой камбуз под наблюдение Буфетчицы и Повара.

Надеюсь, что такая форма записи устроит кого угодно...

За то время, которое я проторчал на капитанском мостике – с Мастером или без Мастера с его Помощниками-штурманами, – я так часто заглядывал в мореходные карты, так часто слышал, что у нас осталось позади, где мы идем в настоящий момент и какие «цоресы» (Шурина поговорочка!..) нас ждут впереди, что уже к выходу из Абердина я мог бы самостоятельно, не очень подробно, но и без особой путаницы, объяснить все происходящее в эту секунду с нашим дорогим «Академиком Абрамом...».

Ну, например: как только мы вышли из Абердина, мы достаточно долго пересекали залив Мори-Ферт в самом его широком месте и четко перли к Оркнейским островам в пролив Пент-

ленд-Ферт, который находится как раз между этими островами и самой-самой северной окончечностью Англии.

Нужно сказать, что весь командный состав во главе с Мастером все это время торчал на мостике и очень даже держал «ушки на макушке» из-за каких-то жутких приливных течений в этом сволочном проливе!

Только когда мы наконец-то вышли в открытый океан, все вздохнули с облегчением, и народ на мостике как-то сам собой рассосался, оставляя только вахтенного штурмана, старшего помощника и кого-то из матросов.

С команды тоже спала нервная напряженка, судовая жизнь вошла в почти спокойную буднично-морскую колею, и вот тогда-то по «Академику Абраму Ф. Иоффе», от носа до кормы, проникая во все закоулки огромного контейнеровоза, вихрем понеслись легенды и сказки о моем пребывании в порту Абердин!

Так как мой английский секс-загул наблюдал почти весь командный состав «Академика Абрама...» и большая часть палубной команды, то следующие пять с половиной суток, которые мы шли через холодную и бескрайнюю Атлантику к берегам Канады, я был героем судна и ежесекундно купался в лучах собственной половой славы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Машинная команда – механики и мотористы, короче, «маслопупы», не имевшие возможности наблюдать за моими береговыми подвигами, были вынуждены довольствоваться самой что ни есть недобросовестной информацией, которую они получали от «рогачей» – палубной команды.

По словам этих врунов и фантазеров, число «оприходованных» мной английских Кошек в их рассказах доходило до семидесяти – семидесяти пяти! А число убитых мной и сброшенных в море абердинских Котов варьировалось где-то от двадцати-пяти до пятидесяти...

От этого беззастенчивого вранья и несусветного бреда даже у меня вяли уши. Так и подмывало гаркнуть по-шелдрейсовски:

– А ну кончайте трепаться, врунишки нахальные!

Тем более что большинство команды было по-детски внушаемо.

Но я помнил слово, данное мной Мастеру в первый день нашего знакомства – ни с кем на судне в Контакт не вступать. И молчал.

Самое же забавное, что Мартыном меня называли только на капитанском мостике. Лишь потому, что так называл меня Мастер. Все же остальные называли меня просто – Кыся. Даже буфетчица Люся, прибирая капитанскую каюту в отсутствие Мастера, иногда шептала мне:

– Господи, Кыся... Что же мне делать? Я же так его люблю! А он... Ну, что делать, Кыся?... Что делать?

А что я мог ей ответить?! Что вообще можно сказать женщине в такой ситуации?

Зато Мастер после того случая, когда я лишь одним своим ЖЕЛАНИЕМ КОШКИ, одной лишь настойчивой МЫСЛИШКОЙ сумел ускорить ход нашего «Академика Абрама...», Мастер наш, суровый и немногословный Котяра, буквально рта не закрывал. Естественно, когда мы оставались с глазу на глаз...

Более любопытного Кота я в жизни не встречал! Ему было интересно все – и про Конрада Лоренца, и про Ричарда Шелдрейса, и про Шуру Плоткина, и про мои, не всегда объяснимые, действия и ощущения.

Мастер с удивлением сопоставлял собственные чувства и поступки, оказывается, тоже не всегда соответствующие здравому смыслу, с тем, что я рассказывал о себе, и каждый раз (Я ЭТО ЯСНО ВИДЕЛ!) был потрясен сходством наших душ и характеров...

Однако вовсе не нужно думать, что Мастер только и делал, что потрясался и всплескивал руками. Ничего подобного! Мастер обнаружил такое блистательное знание истории Котов и Кошек, что это мне приходилось ахать и всплескивать лапами от восхищения!

От восхищения, к которому примешивалось искреннее чувство стыда за себя и моего Шуру Плоткина – за то, что мы, выучив наизусть и Конрада Лоренца, и Ричарда Шелдрейса, ни разу не удосужились открыть книгу своего, русского, замечательнейшего мужика – Игоря Акимушкина.

А вот у Мастера эта книга была настольной.

– Вот слушай, слушай, Мартын! – возбужденно говорил Мастер, раскрывая книгу Акимушкина. – Слушай, что он пишет: «... Уже в шестнадцатом веке до нашей эры, в долине Среднего и Нижнего Нила...» Это река такая в Африке, «... и Нижнего Нила домашняя кошка стала очень популярным и любимым животным». И еще! «Особая, прямо-таки райская судьба ожидала кошку в Египте: жрецы произвели ее в ранг священных животных!..»

– Что такое «жрецы»? – спросил я.

– Как бы тебе объяснить?.. – Мастер даже слегка растерялся. – Что такое «идеология» ты знаешь?

– Нет.

– Хорошо. Ближайший пример: совсем недавно на всех наших судах была должность Первого помощника Капитана по политической части. Не моряк, не судоводитель, – Коммунист. Знаешь, что это?

– Шура мне как-то объяснял, но я забыл...

– Быстро вы все, ребята, забываете!.. Ну да авось вам еще напомнят, не дай бог... Короче, этот Первый помощник следил за тем, чтобы все считали, что у НАС все очень хорошо, а у НИХ – все ужасно плохо. У НАС – блеск и сияющие дали, а у НИХ – тьма-тьмушая и безысходный тупик! А если кто в этом сомневается, то Первый помощник потом на берегу доложит КОМУ СЛЕДУЕТ и КУДА СЛЕДУЕТ, и хер этот сомневающийся потом выйдет в море!

– Это и есть – «Жрец»? – удивился я.

– Конечно! И Замполиты, и Жрецы – создатели легенд: «Мы – лучшие в мире!», «Кошки – священные животные!..» Теперь понял?

– Почти. Читайте дальше...

– «Суровые законы Древнего Египта без пощады карали всех, кто причинил вред кошке. За ее убийство назначалась смертная казнь. При пожаре из горящего дома первым делом спасали кошек, а только потом имущество...»

– Разумно, – заметил я. – Разумно и справедливо. А то одному моему петербургскому приятелю Коту какой-то подонок отрубил хвост!.. Не было на эту сволочь законов Древнего Египта! Вы знаете, Мастер, мне очень нравится эта книга. Но у меня есть одна претензия к Автору...

– Какая? – поинтересовался Мастер.

– Он все время пишет – «Кошки», «Кошки». В то время как Кошка... Как бы это поделikatнее?.. В то время как Кошка – существо хотя и Воспроизводящего, но все-таки Вспомогательного типа. КОТ же при этом – Особа Основополагающая. И не заметить этого...

– Ах, Мартын, гордыня тебя погубит!.. – рассмеялся Мастер, но тут же серьезно сказал: – Мне тоже это поначалу не очень понравилось. Но потом я понял, что словом «кошка» Автор объединяет весь, так сказать, Вид. Смотри, что пишет он дальше...

Мастер нашел нужную строку и с удовольствием прочитал:

– «В конце четвертого века римский писатель Палладиус впервые ввел в употребление слово „катгус“ вместо старого латинского наименования кошки „фелис“. Полагают, что от „катгуса“ ведут начало и английское „кэт“, и немецкое „катер“, и русское – „кот“. Как видишь, Автор вовремя вспомнил, что Кот есть Кот, как ты справедливо заметил – Особа Основополагающая!

И, клянусь всем для меня святым, Мастер с нескрываемым Котовым достоинством легко и аккуратно разгладил свои франтоватые усики!..

Он отложил книгу в сторону и, глядя сквозь меня, словно всматриваясь в тысячелетние дали древности, негромко продолжил:

– И знаешь, Мартын, ведь в Вавилоне домашние Коты появились лишь во втором тысячелетии до нашей эры. Отсюда они попали в Индию, позднее – в Китай, на Крит, в Грецию... Мы там, кстати, в прошлом году неделю на ремонте стояли. Цены там на Котов были безумные!.. Не в прошлом году, а до нашей эры. Иметь Кота тогда считалось там роскошью. Человек, в доме которого жил Кот, заведомо оценивался как личность незаурядная!..

Я вдруг понял, почему Мастер перестал мне читать книгу этого Акимушкина, а взялся пересказывать ее своими словами. У Акимушкина, наверное, было повсюду написано это безликое объединяющее слово – «Кошка», и ни разу не было упомянуто слово «Кот». Мастер решил, что в вольном пересказе он имеет право на вольную редактуру. Называя акимушкинских «Кошек» «Котами», он таким образом щадил мое слегка уязвленное самолюбие и примирал меня с Автором.

Это было очень трогательно с его стороны и ничуть не нарушало моего интереса ко всему, о чем он рассказывал.

А рассказывал он поразительные вещи! Я узнал, что с началом христианства Коты и Кошки из «Божественных созданий» превратились в «Темные силы», в «исчадие ада», в «пособников» колдунов и ведьм и подвергались жесточайшему и идиотскому истреблению.

По всей католической Европе, во все христианские праздники живьем сжигали и закапывали Котов в землю, жарили их на железных прутьях!.. А во Фландрии, в городе Иперн, Котов сбрасывали с высокой башни!.. Этот дикий обычай был введен жестоким кретином графом Болдуином Фландрским и просуществовал, благодаря этому идиоту, этому подонку и мерзавцу, начиная с десятого века, еще сотни лет... До самого Ренессанса продолжалось массовое истребление Котов, нелепые судилища над ними и жесточайшие расправы.

Мне чуть дурно не стало от всех этих подробностей. Я припомнил кое-какие не очень трезвые рассказы Шуры и прервал Мастера:

– Мне мой Плоткин как-то не раз говорил, что с Людьми было тоже нечто подобное...

– В сравнении с недавним российским прошлым средневековая трагедия Котов и Кошек была, как говорят твои друзья-немцы – «киндершпиль». Детские игры, – жестко усмехнулся Мастер. – Если в средние века Коты погибали сотнями тысяч, то только за последние восемьдесят лет Россия сожрала более пятидесяти миллионов своих собственных Человеков, перемалывая их в бездарных войнах, лагерях и тюрьмах...

– Господи!.. Что же делать? – прошептал я, впадая в глубочайшее уныние. – И вам, и нам?..

– Наверное, ждать Возрождения. Или попытаться создать Ренессанс собственными руками и лапами. Кстати, пара забавных примеров из эпохи Возрождения: Кольбер, французский политик времен Людовика Четырнадцатого, сядясь за работу, окружал себя Котами. И тогда Кольбер обретал душевное равновесие и покой... Кардинал Ришелье просто обожал Кошек. И Котов, разумеется... А прошлый век? Скульпторы, художники, поэты, пораженные грацией, красотой и пластичностью Котового племени, чуть с ума не сошли! Швейцарец Готфрид Минд – «Кошачий Рафаэль» – всю жизнь рисовал только Котов. Француз Теофил Штайнлайн выпустил роскошный альбом рисунков под названием «Кот»... Последователи нового «кошачьего» культа собирались в Париже на Монмартре, в кафе «Черный кот»... Ну и так далее.

– Потрясающе... – пробормотал я.

И подумал: как мы любим счастливые финалы!..

– А в странах, где господствовал ислам, Коты и Кошки пользовались буквально королевским почетом, – сказал Мастер. – В отличие от Собак, которых ислам считал «презренными».

Мне показалось, что «Ислам» – это имя Человека, руководителя каких-то нескольких стран. И мне понравилась его мысль о «презренных» Собаках. Я и брякнул:

– И этот Ислам совершенно прав!

Мастер закурил свой «Данхилл» и брезгливо произнес:

– Проявление нетерпимости к другому Виду – это очень неинтеллигентно, Мартын. Где-то на уровне антисемитизма. Так что подумай над этим. А я пойду осматрю судно. Ты со мной?

– Нет, – сгорая от стыда и проклиная себя за поспешную похвалу Исламу, сказал я. – Я полежу, подумаю...

– Это иногда полезно, – саркастически ухмыльнулся Мастер и вышел из каюты.

Через пару часов в каюту вернулся Мастер, проглядел какие-то записи, сделал в них ряд пометок и поманил меня пальцем к себе. Я вспрыгнул к нему на рабочий стол и сел рядом со стопкой судовых документов, тихо и скромно поджав хвост.

Вообще-то на рабочий стол Мастера вспрыгивать было нежелательно. Я получал на это разрешение только лишь в минуты особого к себе расположения.

– Осознал?

– Да... – тихо ответил я.

– Тогда – лапу!

Я подал ему свою правую лапу. Он уважительно и осторожно ее пожал, а я в благодарность за прощение потерся своим рваным ухом о его синий якорек, наколотый, как он рассказывал, давным-давно – еще на первом курсе мореходного училища.

По сравнению с подходами к канадскому острову Ньюфаундленд проход по английскому проливу Пентленд-Ферт с его опасными приливными течениями смахивал на воскресную прогулку по Летнему саду.

Шура как-то пару лет тому назад возил меня туда осенним теплым днем, тыкал носом в скопище грязно-серых скульптур, которых там до хрена и больше, и очень обижался, когда я не проявлял к ним никакого интереса. Чего бы Шура там про них ни рассказывал.

Мне вообще Летний сад совсем не понравился. Куча детей – все они обязательно хотят тебя схватить, потискать, дернуть за хвост. Защититься практически невозможно. Не будешь же ты отбиваться от них когтями или клыками – дети же!

Уйма маленьких Собачонок (больших в Летний сад, слава богу, не пускают...), которые, увидев обычного, нормального Кота вроде меня, прямо-таки обсираются от злости и страха!

В небольшом пруду, давно не чищенном и заросшем зеленой ряской, плавают преисполненные спесивой важности Лебеди. Один взгляд на них, и ты понимаешь, что перед тобой скопище длинношеих идиотов, которые только по недоразумению могут считаться царственными птицами. Так назвал их Шура. Странно, что Шура – существо ироничное и наблюдательное, не увидел, с какой тупой и холуйской поспешностью эта так называемая Царственная птица подгребает к берегу, когда какой-нибудь тип протянет ей крохотный кусочек засохшей хлебной корочки!.. Царственная птица с абсолютно лакейской сущностью, да еще с постоянно изогнутой вопросительным знаком длинющей шеей – ничего более нелепого, по-моему, природа не создавала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.